

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Современное состояние глобальной капиталистической экономики характеризуется термином “кризис”. Он связан с представлением о некоем поворотном пункте, свидетельствующем о невозможности для общественной системы продолжать предшествующее существование и необходимость пережить более или менее фундаментальные изменения. Однако термин “кризис” является многозначным. Это порождает значительный элемент неопределенности, затрудняющий его использование для объяснения и понимания значения, масштабов и последствий тех проблем, с которыми в настоящее время сталкивается мировая капиталистическая система. Многозначность термина “экономический кризис” ставит проблему типологизации и определения характера современного глобального финансово-экономического кризиса, его масштаба и последствий.

Сучасний стан глобальної капіталістичної економіки характеризується поняттям “криза”. Воно пов’язане з уявленням про якийсь поворотний пункт, що свідчить про неможливість для суспільної системи продовжувати попереднє існування і необхідність пережити більш-менш фундаментальні зміни. Проте поняття “криза” є багатозначним. Це породжує значний елемент невизначеності, що утруднює його використання для пояснення і розуміння значення, масштабів і наслідків тих проблем, з якими в даний час стикається світова капіталістична система. Багатозначність поняття “економічна криза” ставить проблему типологізації та визначення характеру сучасної глобальної фінансово-економічної кризи, її масштабу і наслідків.

The contemporary state of global capitalist economy is defined by the term crisis. It is connected with the idea of a certain turning point, which evidences that it is impossible for the social system to continue the preceding existence and it is necessary to go through more or less fundamental changes. But the term crisis is polysemantic. This gives birth to a substantial element of indeterminacy, which makes its use difficult for explaining and understanding the importance, scale and consequences of the problems, which the world capitalist economy faces now. Polysemantic nature of the term economic crisis poses the problem of typologization and definition of the character of the present-day global financial and economic crisis, its scale and consequences.

Ключевые слова: глобальный кризис, капитализм, глобализация, К.Маркс, И.Валлерстайн.

Ключові слова: глобальна криза, капіталізм, глобалізація, К.Маркс, І.Валлерстайн.

Keywords: global crisis, capitalism, globalization, Karl Marx, Immanuel Wallerstein.

Для характеристики текущего состояния современной глобальной капиталистической экономики используется термин “кризис”. Его употребление предполагает, что состояние это особенное, прерывающее нить ее предшествующего плавного постепенного развития и побуждающее к изменению. Следовательно, с термином “кризис” связано представление о некоем поворотном пункте, свидетельствующем о невозможности для общественной системы продолжать предшествующее существование и необходимость, под угрозой возможного распада, пережить более или менее значительное изменение, которое позволит заново установить “нормальные” условия ее воспроизводства или же приобрести новое качество. Значение возникновения в системе новых условий и явлений, угрожающих прежнему способу функционирования или существования системы и необходимости отыскать способы их преодоления и возобновления функционирования,

воспроизводства и развития системы отражено в изначальном смысле древнегреческого слова “кризис” – поворотный момент, решение, перелом.

Вместе с тем многозначность и многосмысленность термина “кризис” даже в рамках одной современной экономической науки порождает неопределенность, затрудняющую его использование для объяснения и понимания значения, масштаба и последствий тех проблем, с которыми в настоящее время сталкивается мировая капиталистическая система (МКС) [5]. Кризис может означать такое нарушение условий капиталистического воспроизводства и функционирования капиталистической системы, которое само является регулярно возникающим феноменом, элементом “нормальной” модели ее функционирования как способа разрешения ее краткосрочных и среднесрочных противоречий. Такие циклические или конъюнктурные кризисы (рецессии) являются одной из фаз экономического или делового цикла и происходят периодически. В экономической науке выделено несколько разновидностей кратко- и среднесрочных периодических экономических колебаний от циклов Китчина и Жугляра продолжительностью 3–4 года и 7–11 лет соответственно до интерциклов Лабруса (около 10 лет), строительных циклов Кузнеца (около 20 лет) и длинных волн Кондратьева продолжительностью 48–60 лет [4].

Однако кризис может означать и явление более существенное, связанное с невозможностью продолжения движения по определенному пути развития капитализма или исчерпанием преобладающей модели капиталистического развития, определяющей данную стадию развития капитализма. Подобная невозможность вызывается тем, что в силу системных противоречий капитализма и внутренней противоречивости конкретной исторической формы капитализма (которая является формой преодоления его системных противоречий в конкретных исторических условиях), а также изменяющихся социальных, экономических и политических условий, существующая система

политических, экономических и социальных институтов перестает обеспечивать благоприятную среду капиталистического воспроизводства и накопления капитала. В результате возникает то, что можно обозначить термином “структурный кризис капиталистического воспроизводства”, понимая под этим кризис определенной институциональной формы или исторической структуры, которую капитализм как система принял в данное время в данном историческом пространстве. Кризис, сопровождающийся ростом социальных конфликтов, в ходе которых различные социальные классы и группы ведут борьбу за выбор направления институциональных изменений, разрешается посредством “внутрисистемного метаморфоза”, то есть масштабной перестройки капиталистической системы, перехода к новой исторической структуре капитализма, обеспечивающей возможность ее дальнейшего расширенного воспроизводства и выход капитализма на новый путь развития.

Наконец, существует третья возможность понимания кризиса и третий тип капиталистических кризисов: кризис как системный кризис капитализма. Если циклические и структурные кризисы капитализма происходят внутри капиталистической системы и, вызывая ее модификацию, тем самым способствуют ее выживанию и консолидации, то рано или поздно само развитие капитализма приведет к наступлению момента, когда возможности ее воспроизводства будут исчерпаны и продолжение существования капиталистической системы окажется невозможным. Это и есть ситуация кризиса капиталистической системы в целом, или системный кризис капитализма. Его разрешение потребует уже системного метаморфоза – преобразования исторической системы капитализма в другую общественно-историческую систему, что поставит также проблему поиска исторических альтернатив капитализму. О том, что капитализм переживает системный кризис, говорит И.Валлерстайн [1, 2, 6, 7].

Многозначность термина “экономический кризис”, множество ассоциируемых с ним смыслов ставит проблему

социально-исторического диагноза современной исторической ситуации. Прежде всего это касается вопроса типологизации современного глобального финансово-экономического кризиса. Что представляет собой современный глобальный кризис? С каким типом кризисов мы имеем дело? Ответ на эти вопросы позволит понять характер и масштаб совершаемого исторического изменения, а значит и нового исторического периода, начало которого возвещает кризис. Станут понятными и возможные последствия кризиса для развития, как мировой капиталистической системы, так и человечества в целом. Будут ли его следствием сдвиги краткосрочного циклического характера, завершение старого и начало нового цикла капиталистического развития, или произойдут более значительные изменения и какие именно?

Современный глобальный кризис начинался в 2008 г. как кризис банковский и финансовый. Его непосредственной причиной стал взрыв спекулятивного пузыря, надувание которого на рынке недвижимости США началось в 2002 г., после того как обвалился рынок акций высокотехнологичных компаний, то есть лопнул спекулятивный пузырь “новой экономики”. Кризис малоликвидных и высокорискованных ипотечных кредитов распространился на связанные с ипотекой производные финансовые и сложные кредитные инструменты и, вызывая кризис ликвидности, из ипотечного стал банковским.

Одним из первых его проявлений стало банкротство крупного инвестиционного банка США Bear Stearns, спасение которого стало делом Федеральной резервной системы (ФРС) США, министерства финансов США, и инвестиционного банка JP MorganChase, которому ФРС предоставила кредит на покупку Bear Stearns. Однако этим банком дело не ограничилось. Кризис ликвидности угрожал банкротством другим крупным финансовым институтам США, составляющим центральный элемент мировой финансовой системы. Проблемы с капитализацией возникли у таких ведущих финансовых структур, как Goldman Sachs, Merrill Lynch, Morgan Stanley, Citigroup.

Кризис привел к краху двух крупнейших ипотечных агентств – Fannie Mae и Freddie Mac, что вызвало еще большие проблемы в банковском секторе и привело к национализации указанных агентств. Затем последовало банкротство и принудительное спасение инвестиционного банка Merrill Lynch банком Bank of America, а также инвестиционных банков Lehman Brothers, Morgan Stanley и Goldman Sachs и крупнейшего ссудо-сберегательного банка Washington Mutual, проданных за бесценок или реструктуризированных.

В ряду причин, вызвавших финансовый кризис, ближайшей следует считать систему мер по дерегулированию и либерализации финансового сектора, способствующую развитию финансовых спекуляций. Среди указанных мер следует также обратить внимание на осуществление ФРС США политики “дешевых денег” и накачивания экономики ликвидностью. Данная политика позволяла осуществлять кредитную экспансию, за счет которой питались спекулятивные пузыри, включая финансовую пирамиду на рынке недвижимости.

Одним из важнейших феноменов, сыгравших важную роль в кризисе высокорискованных ипотечных кредитов, стала так называемая секьюритизация. Учитывая доступность ипотечных кредитов и рост стоимости недвижимости вследствие притока дешевых денег, банки и другие финансовые учреждения вовлекались в операции на рынке недвижимости. При этом они широко прибегали к секьюритизации путем превращения долгов (ипотечных контрактов) в обеспеченные активами (закладными) ценные бумаги, которыми можно было торговать (mortgaged-based securities).

Начиная с 1980-х гг., коммерческие банки стали продавать ипотечные закладные инвестиционным банкам, а те, учитывая неоднородность долгов с точки зрения их рискованности, связывали долговые обязательства в “пулы” из сотен и тысяч закладных. Разные части “пулов” имели свой уровень риска, оцениваемых кредитными

рейтинговыми агентствами. Связывание долговых обязательств позволяло диверсифицировать и снижать риски. На сумму долговых обязательств выпускались облигации, которые продавались инвесторам (банкам, страховым компаниям, пенсионным, хеджинговым и правительственным инвестиционным фондам, муниципалитетам и т.д.) по всему миру, а полученные средства вновь использовались для выдачи ипотечных кредитов.

Считалось, что подобная модель позволяет распределять активы с различными категориями риска среди как можно большего количества участников и снижать системные риски. Продавая долговые обязательства, банки получали ликвидность, которая направлялась на выдачу новых кредитов, долги по которым, в свою очередь, также преобразовывались в ценные бумаги. Эти облигации имели высший инвестиционный рейтинг надежности и пользовались огромным спросом как объект прибыльного помещения капиталов.

Важным результатом секьюритизации было то, что “производители” ипотеки – коммерческие банки и ипотечные компании не имели больше стимулов проверять платежеспособность должников и снижали стандарты выдачи ссуд, поскольку их основной доход исходил теперь не от платежей по закладным, а от их продажи инвесторам. В свою очередь, инвестиционные банки получали доход от своей посреднической деятельности в процессе секьюритизации, покупая закладные у “производителей” и продавая выпущенные на их основе ценные бумаги конечным инвесторам. Чем больше они продавали ценных бумаг, тем больше был их доход. У рейтинговых агентств также имелся сильный стимул давать высший рейтинг надежности ценным бумагам, обеспеченным закладными.

В итоге секьюритизация стала процессом, порождающим стимул к искажению реальной картины и игнорированию кредитных рисков в стремлении получить как можно большую прибыль. Оценка риска невозврата долга фактически не проводилась, поскольку предполагалось,

что при данной конъюнктуре цены на недвижимость будут продолжать расти и, значит, если покупатель окажется неплатежеспособен, ипотеку можно будет легко рефинансировать, то есть получить новый кредит, чтобы расплатиться по старой закладной, или же продать недвижимость по более высокой цене.

В результате была создана огромная спекулятивная долговая пирамида, которая может существовать до тех пор, пока благодаря дешевому кредиту растет стоимость активов и эти активы могут приносить высокий доход. Однако эта стратегия работала только до тех пор, пока цены на жилье росли. С прекращением роста цен в 2006 г. она перестала быть действенной. Структурным препятствием продолжения спекулятивного роста стала тенденция снижения в США реальной заработной платы, которую пытались компенсировать кредитной экспансией как источником потребительского спроса.

Однако в итоге этот паллиативный механизм поддержания уровня потребления оказался исчерпанным. Избыточное предложение на рынке недвижимости привело к снижению стоимости домов. Преобразованные в ценные бумаги долговые обязательства стали “токсичными”. Произошло накопление токсичных долговых обязательств, когда сумма долга превысила выручку от перепродажи недвижимости и производные активы, конечным источником дохода которых были покупатели домов, стали для своих держателей пассивами.

Банки, балансы которых были переполнены токсичными активами, попали в сложное положение. В наихудшем положении оказался целый ряд крупнейших инвестиционных банков, включая и печально известный Lehman Brothers. Учитывая, что каждый из них вовлечен в целый ряд важнейших рынков, их крах, ухудшив финансовое положение связанных с ними контрагентов, вызвал цепную реакцию во всей мировой финансовой системе. О масштабе возникших проблем свидетельствовало банкротство крупнейшего страхового гиганта – компании AIG,

занимавшейся страхованием кредитных рисков. Это свидетельствовало о крахе банковской системы США, и для ее спасения был принят чрезвычайный план, предполагавший разрешение кризиса ликвидности потоками денежной эмиссии и выкупа у банков плохих долгов.

Негативные последствия банкротств не ограничились финансовой системой. Их действие распространилось на так называемую реальную экономику посредством влияния на стоимость активов и доступности кредитов. По некоторым подсчетам, потери и сжатие банковского капитала на 100 млрд долларов ведет к триллионному сокращению банковских ссуд и соответствующему сокращению деловых инвестиций и потребительских расходов. По этим расчетам, банковские потери в 1 трлн долларов должны привести к сокращению банковских ссуд на 10 трлн долларов, что представляет собой весьма жестокий удар по экономике [3]. Под воздействием “кредитного краха” мировая экономика начала скатываться в полномасштабную глобальную депрессию.

Объяснение возникновения глобального кризиса кризисом высокорискованных ипотечных кредитов, за которым последовал финансовый кризис, представляет собой объяснение с точки зрения причин краткосрочного конъюнктурного характера. Этого объяснения, включающего в себя указания на безответственное поведение спекулянтов, несовершенство финансовой системы, недостатки регуляторной политики, “провал институтов”, недостаточно. Помимо того, что оно является поверхностным, такое объяснение предполагает, что кризис может быть преодолен введением новых правил и стандартов, установлением “новой финансовой архитектуры”, простым изменением финансовой политики. Однако сам масштаб кризиса, который, по общему признанию, является крупнейшим со времен Великой депрессии 1929–1933 гг., указывает на более фундаментальный характер проблемы.

Взрыв спекулятивного пузыря рынка недвижимости в США стал непосредственным импульсом, запустившим

механизм кризиса. Однако это был только один из множества спекулятивных пузырей, надутых в мировой экономике на протяжении последних тридцати лет. Фактором, способствовавшим их “надуванию”, является проводимая ФРС США политика низких процентных ставок, которая стимулировала кредитную экспансию, позволившую увеличить потребительские и другие расходы за счет растущей волны долга. И проблема в том, что эта длительная политика, питавшая экономический рост за счет увеличения долга, достигла своих пределов.

Таким образом, историческую конъюнктуру, создавшую комбинацию причин, вызвавших современный глобальный кризис, следует перенести на тридцать лет назад, в 1980-е годы, когда началась реализация новой неолиберальной экономической стратегии. Однако и это не все. Распространенное мнение, что нынешний финансовый кризис является причиной экономического, ошибочно. Ибо дело обстоит с точностью до наоборот. Та неолиберальная стратегия дерегулирования и либерализации финансов, следствием которой стало надувание спекулятивных пузырей активов, сама является следствием экономического кризиса перепроизводства, поразившего мировую капиталистическую экономику на рубеже 1970-х годов. Непреодоленные кризисные тенденции и составляют фундамент, на котором мог возникнуть финансовый кризис в 2008 г.

Вследствие поразившей экономику капиталистических стран длительной стагнации и снижения нормы инвестиций в нефинансовом секторе, образовался избыток финансового капитала, ищущего прибыльного приложения. Поскольку нужда нефинансовых корпораций в кредитах снизилась, банки и другие финансовые учреждения стали находить выход в предоставлении кредитов рабочим, заработная плата которых стагнировала и которые нуждались в кредитах, чтобы финансировать потребление, особенно покупку жилья. Доля банковских ссуд домохозяйствам возросла с 30% в 1970 г. до 50% в 2006 г. В свою очередь, соотношение долгов к доходам домохозяйств вы-

росло с 60% в 1970 г. до 100% в 2002 г. и 140% в 2007 г. Поскольку прослойка платежеспособных рабочих была относительно невелика, банки стали выдавать кредиты даже рабочим с низкими доходами, чья способность выплачивать долг была сомнительной. Так и возник феномен subprime mortgages, доля которых в ипотечных кредитах возросла с 7% в 2000 г. до 20% в 2006 г.[3].

Следовательно, нынешний глобальный финансово-экономический кризис является завершающей фазой длительного исторического периода, в котором перепроизводство наблюдается со времен экономического кризиса конца 1960 – начала 1970-х годов. Подобные кризисы являются заключительным моментом периодической модели капиталистического развития, в которой длительные подъемы (как, например, период 1945–1973 гг.), связанные с существованием устойчивых моделей накопления, сменяются длительными спадами (как, например, с начала 1970-х годов до настоящего времени).

На этой завершающей стадии какой-либо экономической шок может вызвать резкий обвал, как это сделал крах рынка высокорискованных ипотечных кредитов в 2007 г. и как более ранние шоки вызывали общие кризисы в 1820-х, 1870-х, 1930-х и 1970-х годах. Например, хотя наступлению Великой депрессии 1930-х годов предшествовала финансовая спекуляция, именно фундаментальное неустойчивое состояние экономики, уже сложившееся к 1929 г., привело к тому, что биржевой крах вызвал глубокий экономический кризис.

Нечто подобное происходит и в настоящее время. Поэтому ограничиваться рассмотрением кризиса, начавшегося в 2008 г., только с точки зрения краткосрочной конъюнктуры, сложившейся к этому году, означает игнорировать сложный исторический процесс, начало которого может быть отнесено к началу 1970-х годов. В основе этого процесса лежит динамика капиталистического накопления. Различные исторические факторы, процессы и события опосредуют имманентную логику развития

капитализма и формируют долгосрочную конъюнктуру, определяющую динамику особого исторического периода развития капитализма. Следовательно, чтобы ответить на вопрос, как и почему возник нынешний глобальный финансово-экономический кризис, ведущий к ломке глобального капиталистического порядка и угрожающий человечеству длительными депрессиями и войнами, необходимо рассмотреть структурные противоречия капиталистической системы, порождаемые ими кризисные тенденции и то, как они выражались в долгосрочной исторической конъюнктуре, определяющей стадию капиталистического развития, начавшуюся в 1970-х годах.

Литература

1. *Dynamics of Global Crisis* / [S. Amin, G. Arrighi, A.G. Frank, I. Wallerstein]. – N.Y. : Monthly Review Press, 1982. – 248 p.
2. *The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025* / [Т. К. Hopkins, I. Wallerstein (coordinators)]. – London : Zed Books, 1996. – 278 pp.
3. *Moseley F. The U.S. economic crisis: Causes and solutions* – [Электронный ресурс] / F. Moseley – Режим доступа : <http://www.isreview.org/issues/64/feat-moseley.shtml>
4. *Wallerstein I. Long Waves as Capitalist Process* / I. Wallerstein // Review (Fernand Braudel Center). – 1984. – Vol.7. – № 4. – P. 559–575.
5. *Wallerstein I. Typology of Crises in the World-System* / I. Wallerstein // Review (Fernand Braudel Center). – 1988. – Vol. 11. – №. 4. – P. 581–598.
6. *Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the World-System* / I. Wallerstein // International Sociology. – 2000. – Vol.15. – № 2. – P. 249–265.
7. *Wallerstein I. Structural Crises* / I. Wallerstein // New Left Review. – 2010. – Vol. II/62– March-April . – P. 133–142.